

бурге Академия могут дозволять, какие книги во оных печатать. То же можно сделать и в других местах, где заведутся вольные тиснения и в которых Академии и Университеты будут.¹

Наказ Екатерины II говорил о том, насколько усердно следует цензурировать сочинения, представляемые к печати; а приведенные тексты академического наказа главным образом заботятся о том, где и кому правильнее всего осуществлять цензурный надзор, и пытаются установить цензурные разграничения между Академией Наук и другими учреждениями. В частности, черновой проект, совершенно ничего не упоминая о Московском университете, считает Академию Наук всероссийским цензором общепользных книг широкой читаемости и освобождает от академической цензуры только издания ведомственного характера и чисто учрежденческого назначения. Другими словами, черновик совершенно ясно стоит на той позиции, что учрежденческая типография не должна принимать к печатанию книг общепользных, если они не просмотрены цензурой при Академии Наук. Черновик совершенно ясно продолжает считать монополией Академии Наук объявленное в 1748 г. гр. К. Разумовским указание Елизаветы: «стараться при Академии переводить и печатать на русском языке книги гражданские различного содержания, в которых бы польза и забава соединены были с пристойным к светскому житию правоучением».² Тем более не мог допустить автор этого черновика, чтобы в учрежденческой типографии, по разрешению местной цензуры печатались самостоятельные русские произведения. Окончательный текст тоже неуверен в правильности такого распорядка, чтобы всякому административному учреждению было доверено отвечать за все печатаемые в его типографии книги. Из окончательного текста во всяком случае вытекает, что не было законов, дозволяющих учрежденческим типографиям выпускать с разрешения своей местной цензуры все виды печатной продукции, за исключением Московского университета. Окончательный текст академического наказа сохранил осязательные отпечатки противодействия и борьбы против издательской деятельности учрежденческих типографий, среди которых самое видное место принадлежало типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Всего этого, на наш взгляд, совершенно достаточно для того, чтобы отсутствие самостоятельных сочинений среди продукции типографии Сухопутного корпуса считать не случайностью, а результатом воздействия со стороны. Весьма понятно, что «воздействие» могло идти широкой дорогой и свободным путем, поскольку издательство общепользных книг учрежден-

¹ Сборник РИО, т. 43, стр. 373.

² А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892, стр. 14.